

Эдмунд
Иодковский

ЗВЕЗДО
ПЛАВАТЕЛЬ
И ПОЭТ

Сборник стихов

Москва 2003

Эдмунд Феликсович Иодковский

Звездоплаватель и поэт. Сборник стихов.

Москва. 2003.

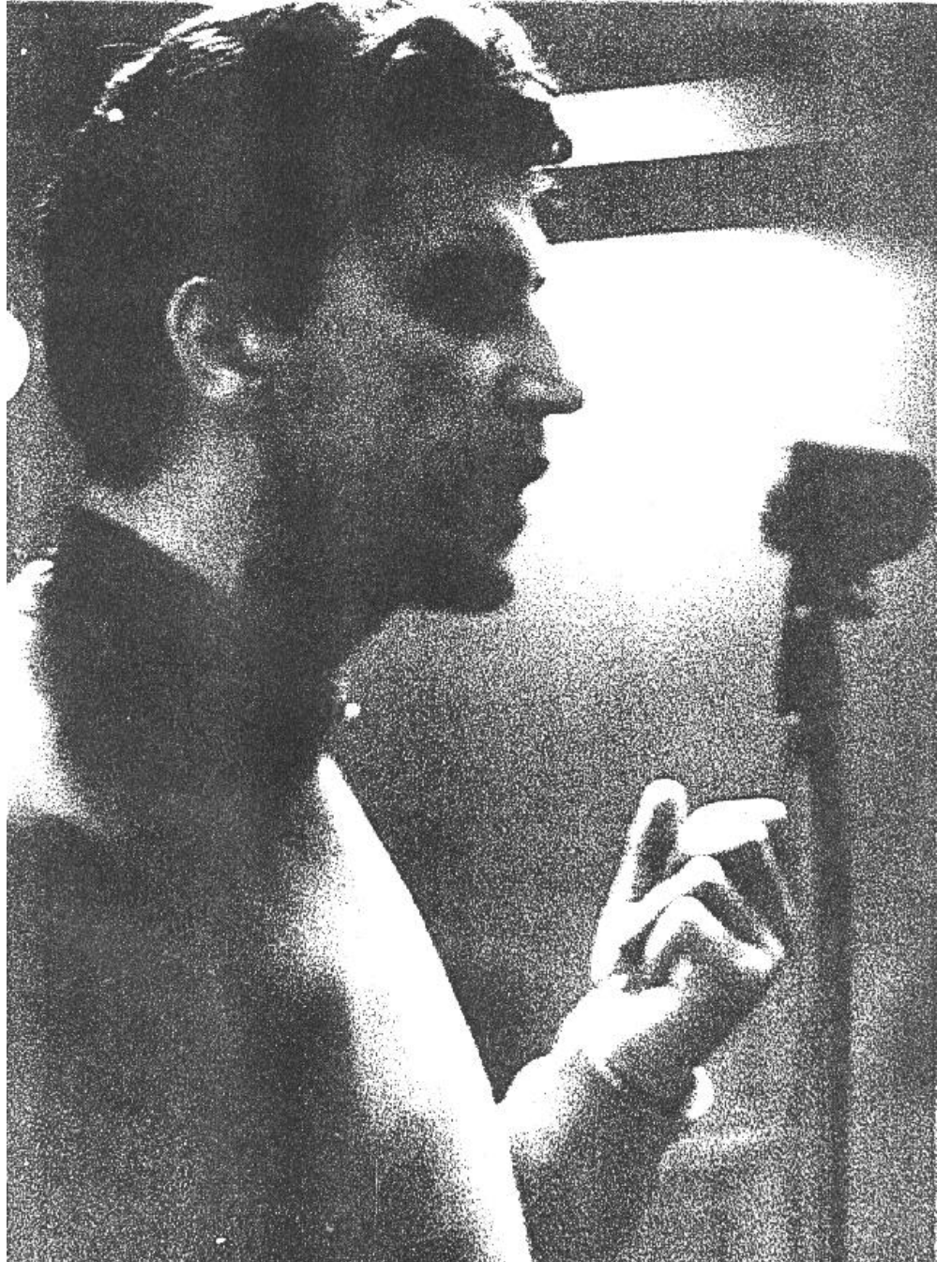
Издание комиссии по литературному наследию поэта.

Поэт Э.Ф.Иодковский (6.08.1932- 13.05.1994) опубликовал при жизни только один сборник стихов «Капля звезды» (Иодковский Э.Ф. Капля звезды: Стихи. – М., Советский писатель, 1991 – 128 с.), поэтому большинство предлагаемых его произведений впервые печатаются собранные в одной книжке.

В качестве послесловия приводятся два очерка поэтессы Элеоноры Белевской, которая долгие годы была соратницей Эдмунда. Друг поэта, доктор философских наук, профессор Чанышев А.Н. внимательно прочел подготовленный сборник стихов и сделал важные замечания по его составлению. К сожалению, архив поэта, частично сосредоточенный на государственном хранении, далеко не полный. Много, особенно из раннего периода творчества, утеряно. Будем надеяться, что публикация этого поэтического сборника будет способствовать дальнейшей комплектации архива. После публикации романа «Марсианка бродит по Арбату» и данного сборника стихов, комиссия по литературному наследию планирует издать «Лирический дневник», «Литературный дневник», повесть «Ранима» и Воспоминания о поэте и его времени.

От комиссии по литературному наследию Э.Ф. Иодковского. Благодарим за большую помощь, которую оказывает комиссии по литературному наследию Московский Госархив демократических движений, особо отмечая ст. научного сотрудника Шелипову Ларису Борисовну.

Комиссия по литературному наследию Э.Ф.Иодковского: В. Д. Оскоцкий (Председатель), Л.В. Иодковская, Д. Мочалов (Ян), А.Н. Чанышев (Арсений Прохожий), В. Галкин, Ю. Денисов, Э. Белевская, А.Курушин (секретарь), В. Алексеев, Д. Медведев, С.П. Афанасьев, А. Кузнецов, В. Капианидзе

Поэт Эдмунд Иодковский, 1960 г.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мне сегодня шестнадцать исполнилось лет,
Звёздной ночью лежу на лугу.
Между мной и Вселенной посредников нет.
Метеоры горят налету.

Я на звезды смотрю, — а они — на меня,
в августовскую ночь за собою маня.

Это ночь откровения, ибо я сам
понял сердцем своим и чутьём —
то, что в тысячи лет не далось мудрецам:
Жизни смысл.

Он — в познании моем.

Всё хочу я познать на Земле до конца:
и все чувства, что движут людьми,
и законы миров, и отвагу бойца,
и великую тайну Любви,

чтоб до самых седин оставалось со мной
упоение жизнью земной!

Тяготение к истине и красоте
заставляет взять в руку перо.
Вижу тайну, сокрытую в белом листе,
и творить приучаюсь добро.

1948

МОНОЛОГ ВАГОНА

Я — вагон. Деревянный. Двухосный.

Я — утиль. Я умру на костре.

Надышался я свежестью росной
и мазутом пропах до костей.

Я родился не желтым, не синим,
а зеленым, как в мае листва.

О Россия, я был твоим сыном,
я хлебнул твоего волшебства!

Я пульсировал капелькой крови
в кровеносной системе страны:
мчался я сквозь таежные кроны,
стыл в молочном сиянье Луны.

Я всей шкурою впитывал время.

Я летел кобылицей в ночи.

На подножку мою, словно в стремя,
ставил ногу товарищ начдив.

Помню тиф. Мертвецов жрали крысы,
у мешочников — тот же оскал.

Я мешочников стряхивал с крыши,
беспризорников к печке пускал.

Утверждаю не ради агитки,
хоть во мне эта жилка и есть:
мужиков я возил на Магнитки
и на стройки, которых не счесть.

Я вместил все тревоги, все боли.

Я сужу самым высшим судом

тех, по чьей обезумевшей воле
вез я смертников с 37-м.

Я к Московско-Рязанской приписан.
Каждой косточкой помню войну.
Я внутри и снаружи исписан:
«Бей фашистов!», «Даешь целину!»

Разве нет в моих досках отваги?
Разве нет в моей печки огня?
...Металлические стилиаги
вытесняют из жизни меня.

Нет, не стану я, как мне ни туго,
им, безмозглым, вставать поперек.
Поколенья сменяют друг друга,
как вагоны железных дорог.

1961

НОЧЬ НА 6 АВГУСТА

- /попытка автобиографии/

Это в августе давнем было,
день Шестой — и от звезд рябило...,
Метеоры, как шлак Вселенной,
так и сыпались из бадей!
Сын прораба и пианистки,
я высокое сплавлю с низким —
ведь услышал я скрип лебедки
прежде пения лебедей.

Я - осколок семьи распавшейся,
под бомбежкой с детством расставшийся.
Вой сирен, горящий Воронеж.
Мертвецами забит кювет.
Толпы беженцев на дороге,
мы бредем со скрабом убогим.
«Matka Boska, jak bola nogi»
ноет бабка. Мне 10 лет.

...Мне 13. Читаю книги.
Я хочу быть подстать великим.
Святят в Ленинке эти лики -
Достоевский, Гоголь, Монтень.
...В Хиросиме вопят калеки.
Может, Вий подымает веки?
Будь ты проклят,
мой день рожденья
Хиросимы последний день!

...Вот мне 20. Студента вуза
чуть небрежно целует Муза.
Рифма — сладость, а не обуза.
Композиторы - налетай!
В подворотнях, подвалах, скверах
обнимаю девчонок скверных:
ни одна из них не решилась
улететь со мной на Алтай.

Целина. Океан пшеницы.
В 23 — не пора ль жениться?
Барнаульский дом деревянный —
наше свадебное жильё.
Как от бликов свечи блестело
золотисто-смуглое тело!
(А теперь Она вся — с е д а я,
я взглянуть боюсь на Нее.)

На Алтае и в Казахстане
потянулись года скитаний. —
И повсюду — присмотр Лубянки,
мало меда и много слез.
Я не выбился в члены клана.
В 30 лет — не поздно, не рано —
все же вырвался из капкана,
и — плевать на любой донос!

Мой роман не берут журналы.
Жизнь ласкала — и жизнь ломала,
зарабатывал чем попало —
Даже гидом был по Кремлю.
А в то лето, когда горели
под Шатурой сосны и ели, —
Гостя с Дудочкой мне явилась.
До сих пор я Ее люблю.

Когда стукнуло мне полвека —
понятые пришли из жэка,
а за ними — мальчики в штатском,
перерывшие уйму книг.
А у мальчиков — злые лица...
До сих пор в их сейфе хранится

не листовка, не нож убийцы —
мой обычный, личный, дневник.

Что ж читайте, как некий автор
заглянуть попытался в завтра
и понять, куда все уходит
в нескончаемом беге дней.
Усмирится ль проклятый атом
В Девятьсот Девяносто Девятом?
Что случится с моей страной
и возлюбленную моей?

Жизнь меняется, как погода.
Вновь любовь — в 53 года!
Эту девушку у "Мосфильма"
повстречал бродяга-поэт.
Будь со мною, невеста в белом,
будь со мною душой и телом!
Жизнь прекрасна и под прицелом
сумасшедше-точных ракет.

Вот и все. Спят леса и пашни
под иглой Останкинской башни.
Спит Настёна в ночной рубашке.
Спят ракеты и соловьи.
Синеглазая полночь реет.
Ах, как медленно мир добреет!
Без любви человек стареет.
Молодеет он — от любви.

14 декабря 1985

МАРСИАНКА

В сто
столиц
ударила морзянка:
ПО АРБАТУ БРОДИТ МАРСИАНКА
СУЩЕСТВО С ГОЛУБОВАТОЙ КОЖЕЙ
ОТДАЛЕННО НА НЕЙЛОН ПОХОЖЕЙ

Вот что рассказали две старушки:
— Заходила! В магазин «Игрушки»...
— Молодая, а собой красавица!
— Ходит — а земли-то не касается...
— Что за мода — конский хвост на темени?
— Ясно—из антихристового племени!
— Все в ней — руки, ноги — на шарнирах...
— Нашалила, ох и нашалила!
— Поправляла шерстяную юбочку, ухватила
жестяную дудочку, подала ненашенскую
денежку...
— Обманула продавщицу-девушку!

Погналась за существом милиция —
но она исчезла, милолицая.
У таксиста вызывая жалость,
вся она в комочек малый сжалась,—
и рванул он в сторону Москва-реки —
лишь сверкнули красные фонарики!

А потом помчался по бульвару, где прохожий пел,
обняв гитару, а потом заехал в переулки, где, обняв
гитары, пели урки:
— Эх, раз, еще раз, еще много-много раз
прошвырнемся на Венеру, пришвартуемся на
Марс!

Вот что рассказал таксист Салазкин:
— Лично я не верю в эти сказки. В городе Москве
— туристов масса, разве разберешь, который с
Марса?

Люди ее приняли за дурочку —
но я слышу,

 слышу эту дудочку!

Трубный глас
и алых фар сиянье —

это дело чисто марсианье!

Голуби летят. Галдят ребята.
Марсианка бродит по Арбату.

1961

РЫЦАРЬ

Я — твой рыцарь. Пальцем помани, —
по трубе залезу водосточной.
Скажешь мне: «Люби. Умри. Усни».
Все приказы я исполню точно.

Если хоть строка тебя проймет —
значит, жизнь прожил не бесполезно
я, твой рыцарь, я твой Дон-Кихот.-
руганный, осмеянный, железный.

1954

ТЕТРАПТИХ О РОССИИ

Смотри, смотри
в глаза страны,
что диковаты и странны.
Смотри – сменяются цари
и первые секретари,
подростки носят образки
и пузырьки с водой святою,
и комсомольские значки –
такие как у нас с тобою,
чтоб в дни Отечественных войн
пасть под дожди косые....

Контужена волной взрывной
Твоя душа, Россия.
Но ты, как прежде, велика
в чаду цехов и штолен.
Нет-нет – и дернется щека
от незажившей боли.

И я смотрю в глаза страны,
как смотрят праведно и строго
в татарские глаза жены,
навек дарованной от Бога.

1956

2

Россия – не страна, а наказание!
Континентальный климат. Ливни льют.
Нет хлеба – спорят о языкознание.
Нет мяса – абстракционистов бьют.

Россия, как с тобою я намаялся!

Отчизна гениев и дураков,
Одной ногою ты стоишь на Марсе,
Другой – в грязи Самарских тупиков.

Россия – не страна, а откровенье.
Язык твой страстен в каждом падеже.
Твой пасынок, рожден от двух кровей я,
но климат только твой мне по душе.

Мне бабушка милей, чем ксендз и пастор,
живу, как летчик в затяжном пике,
но не сменю на заграничный паспорт
прописку
в Самарском тупике.

1962

3

В рюкзаке моем две тарани,
А картошку спеку в золе.
Подмосковье еще в тумане,
и Россия еще во мгле.
Ухожу я в грибное царство,
чтоб не видеть газет в крови.
Благодарствуй мне, государство,
отпускаю грехи твои.

О Россия! Победы, пытки –
все вместила твоя бадья.
Я зачат в бараках Магнитки,
я- твой подданный. И судья.

Направляющее удар свой,
благодарствуй мне, государство,
отпускаю твои грехи.

О Россия! Поляны, пашни
и колодцы возле дорог...
На иглу Останкинской башни
без прописки вселился Бог.
Маршируют солдаты – раз-два!
Спят ракет и соловьи.
Благодарствуй мне, государство,
отпусти мне грехи мои...

1968

4. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

То-то, братцы, то-то, братцы, то-то...
Прет на пулемет штрафная рота.
Два схлестнулись тоталитаризма:
Мир фашизма, мир социализма.
Побеждаю не вожди. Не армии.
Побеждает, кто тоталитарнее.
Но за что накрылась наша рота?
То-то, братцы, то-то, братцы, то-то...

1965

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Неужели ты не слышишь,
как веселый барабанщик в руки палочки кленовые берет?
Окуджава

Выносили саркофаг из Мавзолея.
Раз-два — взяли! Раз-два — взяли! Раз-два —
Грузчик Сидоров затрясся весь, белея.
Саркофаг сорвался — и, скользя,
грохнулся.

Великий вождь с усами гунна —
желтоглазое рябое божество —
отряхнулось.

На кирпичном торте ГУМа
не нашел портрета своего.
И пока в ЦК трезвонила охрана,
И курсантов молодых бросало в жар,
гость незванный
посетил дворец стеклянный,
что стилигой встал среди бояр.

В зале спали, а в президиуме прели.
Пионеры съезд приветствовать пришли.
Вождь вошел.

Лауреат десятка премий
с челюстью отвисшею: «Культ ли...»

Зашептались — мол двойник, мол, Геловани.... —
Крепкозадые, кому не страшен шок.
Заструился запашок над головами —
Сладковатый, трупный запашок.

А к трибуне шел стальной, как стержень в шиле,
Сыну плотника нисколько не чета —
Сын сапожника Иосиф Джугашвили,
Что затмил библейского Христа...

ЭХ ЯБЛОЧКИ —
ДА СЛОВНО ПЕРСИКИ!
СТАЛИН ТРОЦКОГО УБИЛ
ГДЕ ТО В МЕКСИКЕ...
ЭХ. ДЕВЧОНОЧКА,
НЕ ХРУМКАЙ ПОНЧИКОМ!
СТАЛИН ЛЕНИНА УБИЛ
ТЕЛЕФОНЧИКОМ...

Изучив труды марксистские вплотную,
Той наукой учение не пренебрег,
он возвел ее в религию блатную,
где Пахан – герой, и царь, и бог.

ОГУРЧИКИ,
ПОМИДОРЧИКИ...
СТАЛИН КИРОВА УБИЛ
В КОРИДОРЧИКЕ.

Тишина стояла в зале гробовая.
Космонавты улыбнулись: «Ну и страсть!»
Генералы, честь по форме отдавая,
вытянулись.

Мертвая, а власть!

И протиснулась старушка-коммунистка,
представитель репрессированных масс:
«Уж я сколько вам писала из Норильска!
Может, письма не дошли до вас?»

Сталин вздрогнул.
Но, очнуться не давая,
встал писатель — впавший в детство идиот,
гаркнул:

«СТАЛИН — НАША СЛАВА БОЕВАЯ,
СТАЛИН—НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ...»

И захлопала железная когорта —

люди-гвозди, -кнопки, -винтики, -болты,
пенсионное дерьмо второго сорта,
ветераны из охраны Воркуты.

Под конвоем псов, откормленных в ГУЛАГе
(шаг налево, шаг направо – как побег!),
что за шваль поперла, что за бедолаги!
Не поймешь, где романист, где вшивый зэк...

ПЕСНЯ ЗЭКА – ДЕЛЕГАТА XVII СЪЕЗДА

**Товарищ Сталин, вам опять не спится
На высшем государственном посту,
И, как партиз говорит с партийцем,
я с вами говорю начистоту.**

**Я – делегат Семнадцатого съезда,
Привыкший к вертухаям по бокам.
Из гиблой тундры, из гнилого места
Не к вам я обращаюсь, а к векам.**

**Что коммунисты сделали с Россией!
Мы натравить сумели класс на класс,
Кровавые подснежники взрастили –
И нет прощенья никому из нас.**

**Повсюду воровство и шахер-махер....
Но предвкушаю поворот в судьбе,
Когда нас бреет смертник-парикмахер –
Талантливый сотрудник КГБ.**

**И как олени мордой ищут ягель,
Так истину ищу я, вшивый зэк.
Идея государства есть концлагерь,
Идея человека есть побег.**

... Парработники, доярки, полеводы
понимали, что на свете нет чудес,
но — откуда на галерке пулеметы?
И куда это президиум исчез?

Тень террора над страной крыла простерла.
Все оцеплено. Расправа коротка.
Как привычно потянулись руки к горлу
добряка, пролезшего в ЦК!

Рухнул грузный всесоюзный кукурузник...
...Горн серебряный призывно протрубил—
и на сцену вышел барабанщик Кузькин,
грозный, как архангел Гавриил.

Русский мальчик — а быть может, совесть века,-
юный ленинец, звереныш, звеньевой —
трахнул палочкою дряхлого генсека
и в живот ударил головой.

А приемов самбо вождь не ведал вовсе,
охнул тяжко, и — кондрашка, и — конец.
Недорезанный еврей, профессор Вовси,
тронул пульс: «Да это же мертвец!»

Так вторично дал он дуба —
окаянный гений, деспот, полководец и фигляр,
вонью странной
пропитав дворец стеклянный,
что стилигой встал среди бояр.

В светлом зале, как в подвале, тот же запах,
а в бокале цинандали — тот же страх...
Грузчик Сидоров уволился и запил.
Пишет роман в прозе и стихах —

о России, где расселась та же свита
и о мрамор Мавзолея трет зады,
о России, чья коса густая свита
из серебряной и огненной руды.

1961, 1983

ДВА ДОМА

Два дома у меня.
Один — на Пресне.
За стенкой — колготня,
блатные песни,
трезвонит телефон,
скулит ребенок...
Все это — только фон
моей Работы.
Мне помогает шум
писать на совесть.
Не пасквиль я пишу —
пишу я повесть.
Пусть нету тишины,
а есть — Тишинка,—
претензии смешны!
Стучи, машинка!
Изображай давай,
ничто не требуй,—
мир, тряский, как трамвай,
большой, как небо!

Два дома у меня.
Второй — в Бутырках.
В субботу у огня
сизжу с бутылкой.
Здесь мир и тишина.
В ночной сорочке,
как фея, спит жена,
как ангел — дочка.
Снаружи лед и снег,
промозглый дождик...
Сейчас я — человек,
а не художник.
Мне по-берложьи мил,
мне дорог люто
весь этот малый мир
любви, уюта.
Как сладостно легки

перины пуха!
Как страшно далеки
вершины духа...

Художнику всегда
нужны два дома.
Там — трезвый дух труда,
а здесь — истома...
Но знаю, что по льду
я в воскресенье
в мой первый дом уйду.
Лишь в нем — спасенье.

1960

КОРАБЛЬ

Я превращал железный прут
в турецкий ятаган,
и был похож наш тихий пруд
на Тихий океан.

Страной покорною легла
бахча за тем прудом,
а лодка старая была
пиратским кораблем.

Вожак наш был высок и рус,
командовал: «За мной!»
В те дни делили мы арбуз,
как делят шар земной.

Не знал, наверно, ни один,
что жизнь куда страшней,
что схватки легких бригантин
померкнут перед ней.

1950

БАЛЛАДА О ДВУХ ПЕТРОГРАДСКИХ ПОЭТАХ

«И святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.»

Николай Гумилев

«Коммунары не будут рабами!»
Василий Князев

В августовской ночи,
когда темь — хоть кричи! —
начи-
нается эта баллада.
А героев найду
в Двадцать Первом году,
на пустых площадях Петрограда.

Вот один: дворянин.
Два креста среди руин
оторвал на Брусиловском фронте.
Вот второй: не герой.
В офицерах порой
нюхом чует дворянскую фронду.

Николя — тот эстет...
Вася проще одет —
шелкопер из газетки нахальной.
Не кончал он Сорбонн,
но зато слышал звон
между молотом и наковальней.

Что есть гений? Талант?

Тут ни Гегель, ни Кант
ни с какой не ответят трибуны.
Знают все патрули,
топая по пыли,
да ЧК Петроградской коммуны.

Гений — волк, смотрит в лес.
Гений в заговор влез.
В штаб к Духонину-пущен — налево.
А Василий — живет,
и чернуху жует,
и творит ради воблы да хлеба.

Но и он как-то раз
для трудящихся масс
создал песню, где белых рубали:
«Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда
коммунары не будут рабами!»

А История-мать
учит нас понимать:
жалок тот, кто доверится песням
Долго он еще жил,
власти честно служил
литератором полуизвестным,

но — кричал его дух!
(Так бывает, что вдруг
молот Божьего дара настигнет.)
...Кукарекнул петух.
Свет небесный потух.
Замели — просто так, из инстинкта.

..Колыма! Колыма!
Что творил задарма
тот бушлат затрапезный, тот *номер*?
Как там, в лагере том, —
коммунар стал рабом
иль на нарах несломленным помер?

А для Бога — равны
все поэты страны
и любая судьба — как награда
Белых нет. Красных нет.
Звездный сыплется свет
на державный гранит Петрограда.

1980

ПАСТЕРНАК В 1932 ГОДУ

«Я связан с Россией рождением, жизнью, работой».
Пастернак — Хрущеву (1958).

Сестра его — жизнь, хоть ему уже все сорок два.
Бредет по Волхонке седеющий вечный ребенок.
Храм взорван к рассвету. Метро прорубает
Москва.
Волхонка изрыта. Младенцы горланят в роддомах.

Московский амбир превращен в коммунальный
уют.
Идут с Украины голодные, страшные письма.
Спешат домработницы — мануфактуру дают!
(Материи мало в загашнике матерьялизма.)

Два года прошло, как Владимир покинул его.
Два года промчатся — и Осип отправится
в ссылку.
С кем вермуту выпить? Чтоб вровень — почти
никого...
Баллады кипят — но кому адресуешь посылку?

Журнальная травля. Фабзайцев агитки и смех.
Ах, снова бы в Грузию — сбросить с души
наважденье!
Еще он не знает, что станет Поэтом для всех.
Дух веет, где хочет, — и близко второе рождение.

Светла та страна, где младенцы пойдут по стопам.
Но взорванный Храм

не сияет уже позолотой...

Что травля в грядущем? Он скажет — на зависть
стихам:

«Я связан с Россией рождением, жизнью,
работой...»

А мне эта строчка поможет дожить до седин.
Мы связаны насмерть с родною землею немилой.
...К сосне переделкинской вновь подбегает мой
сын,
и мальчики в джинсах горланят стихи над могилой.

1985

ПЕСЕНКА О МОСКОВСКИХ ПОДВАЛАХ

В.Бережкову

Я жил в подвале на Палихе;
писал романы при свече,
а утром сонные пылинки
плясали в солнечном луче

Проснулся я, когда светало.
Касаясь моего плеча,
лежала женщина Светлана,
как продолжение луча

Она тот луч ловила гребнем
и обнаженною рукой.
А за окном веселым щебнем
пылила стройка день-деньской.

Пришли ломать барак ближайший
два тягача, два силача.
Шепнул я женщине лежавшей:
- Ты - продолжение луча!

В тот год я мог бы сдвинуть горы,
удачлив, молод и упрям.
И солнце, бившее сквозь шторы,
двоих будило по утрам.

Весь год мелодия звучала,
простая, как у трубача:
«О женщина, твое начало -
быть продолжением луча»

...Не видно в небе тайных знаков,
все поглотила толща лет.
Нет на Палихе тех бараков
и тех подвалов тоже нет.

Лишь в памяти порою тлеет
виденье, душу горяча
и тело женщины белеет,
как продолжение луча...

1964-1965

ХУДОЖНИКИ

Когда художники рисуют,
то головой они рискуют.
Недаром слово — рисовать
созвучно слову рисковать.

Художники рисуют женщин,
влепив холсту пяток затрещин,
но мысли их не о постели —
об акварели, о пастели.

Когда же надо драться с культом
царя, с жандармской диктатурой,
тогда и Шадр — великий скульптор —
работает карикатуры.

Художникам наносят раны
и Бунт усматривают в спорах,
поскольку чувствуют тираны —
искусство — это тот же порох.

Мы род ведем от революций,
а не от догм и резолюций. Мы —
голоса людей казненных,
а не трезвон идей казенных.

Но раны женщины бинтуют,
святые говорят слова,
и вечно молодость бунтует,
и вечно молодость права.

КАВАЛЕРОВ

Я — бесквартирный выкидыш Москвы.
Прописка — моя вечная болячка.
Я — Кавалеров, только без вдовы,
но с женщиной — с горячкой, с полячкой.

Тринадцать лет скитаюсь по углам,
сухая ненависть мне горло душит,
тринадцать лет я выгребаю хлам,
которым с детства забивали души.

На море человеческих обид
помножив свою личную обиду,
я ежедневно мордой бьюсь о быт —
интеллигент, не принятый в элиту

Мне предлагают кой-куда вступить,
писать плакаты красочно и гордо,
сперва на горло песне наступить,
а там и просто — на чужое горло.

И все-таки от вашего жулья,
от лирики плакатной и заплечной
я ухожу по льду небытия.
Возник на время, а ушел навечно.

1972

БАЛЛАДА О ДЕТСКОМ РИСУНКЕ

Я один, как жюль-верновский Немо.
Я в каюте рисунок везу:
голубым обозначено небо
и подписано — НЕБО — внизу.

Человечек, земной и нескладный,
а в руках — два зеленых ведра...
Это кто? Это девочка Лада.
Подпись — ДЕВОЧКА — четко видна.

А в углу, в том же призрачном плане
красный домик, труба, дым столбом
и подписано — ДОМ НА ПОЛЯНЕ...
Не вплывешь в нарисованный дом.

Океан фантастичен. Над жертвой
осьминоги о чем-то галдят.
Водоросли, как волосы женщин,
зазывающе в рубку глядят.

«Наутилус» в широтах полярных
бьется, носом о льдины звеня.
НЕБО. ДЕВОЧКА. ДОМ НА ПОЛЯНЕ.
Это то, чего нет у меня.

Я один. Я оторнул мирское.
В толщу тайны дорога легла.
Но — что стоит все царство морское
рядом с детским рисуночком... А?

1961

КАРТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Памяти Михаила Булгакова

...Карта звездного неба,
ты пылишься над койкой ничьей.
Веет в комнате грозно и немо
холодком первозданных ночей.

Где-то там, в волосах Вероники,
в Орионе, — а может, в Стрельце —
путешествует Мастер великий,
растворяется в звездной пылице.

И, которую ночь не смыкая
васильковых, как в песне, очей,
Маргарита — другая, земная —
каменеет на койке ничьей.

Маргарита, не плачьте, не смейте!
Человек не уходит как дым.
Умирая, мы факелом смерти
освещаем дорогу живым.

Потемнеет в глазах от печали.
Он и страшен, и сложен, и прост —
этот мир, перебитый ночами,
голубой повиликою звезд.

Город храмов, дворцов и бараков
спит на чутких руках синевы.

Михаил Афанасьевич Булгаков
смотрит в звездное небо Москвы.

Где-то там, в волосах Вероники,
в Гончих Псах, быть может, в Стрельце -
путешествует Мастер великий,
растворяется в звездной пылице.

1984

ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДОБРА И ЗЛА

М. Агресту

Не первый день, не первый век,
как нам втолковывают рьяно,
что современный человек
не строил Башню и Ковчег,
произошел — от обезьяны.

Но есть гипотеза одна —
ее поведал мне в Сухуми
мудрец, познавший все до дна,
с глазами пламенно-сухими:

— Покинув свой родимый кров,
добры, глазасты и косматы,
из отдаленнейших миров
на огонек земных костров
к нам прилетали космонавты.

Они, подобные богам,
всех пастухов земных позвали —
пытались передать
багаж астрономических познаний.

Но, возлюбив красу Земли,
они с Земли не сразу смылись —
они в дом Лота забрели,
с хозяйкой шашни завели
и с дочерьми ее смешались.

Они извели любовь,
они пресытились любовью,—
и наша обезьянья кровь
слилась с инопланетной кровью.

И распахнулся свет высот,
и уничтожились барьеры...

А год был — Тыща Девятьсот
какой-то год *до* нашей эры.

Грозили им земным судом,
толпа от ярости ослепла...
«Ах так? Ну, что ж! Летим! Уйдем!
Гоморра, сгинь! Пылай, Содом,
под тучей атомного пепла!»

...Прошло четыре тыщи лет.
В Ливане, среди пустыни гладкой,
остался от пришельцев след —
немая взлетная площадка.

— С тех пор,— добавил астроном,
печаль укрыв спокойной маской,—
зло в людях борется с добром,
с Мадонной борется Содом
и обезьянье — с марсианским.

1961

БАЛЛАДА О ПРЕОДОЛЕНИИ

Еще не став моей второй натурой
Поэзия, на промыслы гоня,
в железные объятия конъюнктуры
бросала, неокрепшего, меня.

Я изменял поэзии. В возмездье
она мерцала в сумраке ночей
не звездами, а лампочкой в подъезде
в пятнадцать, или двадцать пять свечей.

Я изменял ей, сволочь. В наказание
она нескладно выла, чуть жива,
и, загнанная в дебри подсознания,
годами, как в концлагере, жила.

Я стал поэтом только к сорока.
Тем сокровенней каждая строка.

Теперь не то. У лампы с абажуром
я гипсовую скован немой.
Стихи то лягут вычурным ажуром,
то засквозят дешевой простотой.

Но вычурность упрямо изживая,
вам не мизинца я не уступлю –
всем тем, кто опроститься мне желает
до всех «Ура!», «ах-ах» и «улю-лю!».

Нет, я вам не малиновка, не птица,
Не стану как попало распевать.
Я насмерть выхожу со словом биться.
Тесать его, кромсать и распинать.

Мой труд, необходимый и бессонный,
Я должен сам исполнить до конца.
Я сродни был машине электронной
И кованной кувалде кузнеца.

Ты шел болезненно, процесс обратный,
но, ложных идолов пустив на слом,
я из железных выбрался объятий
и стал свободен в творчестве своем.

За это возмужание в награду
любовь пришла не вылазкой в «Савой»,
а песнею,
с которой сердце радо
идти на плаху,
жертвовать собой.

Ты – вечное во мне.
Мое дыханье
и оправданье в жизни мировой.
Ты стала моей матерью духовной
и матерью ребенка моего.

Стихи, стихи! Я снова вами полон.
Как божий мир – апрельской новизной,
и вновь меня томит словесный голод,
и вновь меня палит словесный зной.

Над сопками поет прозрачный вечер,
и я, пронизан музыкой полей,
такое пропою, что даже ветер,
завидует поэзии моей.

Ах, мне еще семнадцати то нету –
Я тощ, прыщав, беспечен и влюблен.
и Вера С. похожа на Джульетту
трофейной киноленты тех времен.

Земля моя,
Я тоже твой хозяин,
И вся лежишь ты у моих дверей,
Как в песне, вся – до самых до окраин,
Как в песне, вся – до северных морей.

Благодарю шоферов и радистов,
Геологов, уснувших у огня,
вас, звезды, под которыми родился,
вас, люди, воспитавшие меня.

Благодарю колхозников с мешками,
Пилотов, устремляющихся ввысь,
Две крови, что в крови моей смешались,
Как будто Волга с Вислою слились....

Благодарю за то, что я не лишний,
Что переполнен добротой земной, -
Целинников, со мною хлеб деливших
И о России думавших со мной.
О, разве мог я вырасти поэтом,
Когда бы на пути не встали вы,
Не озарили мир слепящим светом?
.....

Вот я иду – роса спадает с веток
И все слышнее запахи травы,
И в благодарность за цветенье мира,
За зелень гор, за рыжую зарю –
Всем людям, неприкаяным и милым
всего себя размашисто дарю.

ЗОНГ О ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ

Славься, пишущая машинка,
расцветай на моем столе!
Каждый клавиш твой, как кувшинка,
на железном торчит стебле.
Вот я бью по кувшинкам-клавишам,
ощущаю себя Вэном Клайберном,
вот задумаюсь, грусть тая,
над пассажем от "ю" до "я" ..,

На тебе, на моей капризной,
той, что столько раз починял,
сочинял я любовные письма,
анонимных — не сочинял,
Я стучал на моей "Олимпии"
и халтурное, и великое,
разрабатывал сотни форм,
зарабатывал на прокорм.

Ты была мне женой и другом,
развлечением и тоской,
и влеченьем — родом недуга,
и бессонною мастерской.
А порой сорок девять клавишей
превращались в братское кладбище
не сумевших

выжить

детей

неудавшихся повестей.

Ты на стройке жила в бараке
и в палатке на целине,
а однажды в полночной драке
послужила оружием мне.
Помню — шёл на меня верзила,
и кастетом рука грозила...
Я зажал ремешок в руке
и — машинкою! — по башке!

Не для этой, конечно, цели
тебя создали мастера.
Рифмой мы разрубам цепи,
рифмой служим делу добра.
Но когда идут злобой пышущие -
пригодятся машинки пишущие,
чтобы дать
 по мозгам
 врагам...
Вес машинки — пять килограмм.

1975

НУЖНЫЙ НОМЕР

Заколдован телефонный круглый диск
Злой волшебник перепутал провода
Набирая номер, я иду на риск
И все время попадаю не туда.

Чьи то злые и чужие голоса
Отвечают: «Здесь такая не живет!»
Как Иван-дурак, я верю в чудеса
Я же слышу, как она меня зовет!

Как наган, приставил трубку я к виску
Веселись, телефонистка, веселись!
Неуютно мне, Ивану-дураку
В этом мире современных Василис.

1976

ПИЦУНДА

Вечер сизый, печальный, сырой.
Никому не подсудны,
рассчитавшись на первый-второй,
мокнут сосны Пицунды.

Мокнет море с третичных времен.
Дождь туманит предметы.
Черен, как антрацит, небосклон.
Ни звезды. Ни кометы.

Лишь прожектор — инспектор ночей —
бьет по горным отрогам:
мощный глаз в миллионы свечей,
око Господа Бога.

Ах, наверно, в такую же ночь,
от любви холодея
Сулафимь, виноградаря дочь,
шла к царю Иудеи!

Над Пицундой — библейская мгла. ...
Непростительно юной
Суламифью сгорала дотла
ты в блаженном июне.

Что там светится в малой горсти?
Светлячок ли? Цикада?
Мы любовь не сумели спасти
от стыда и распада.

Как ни бейся, ни буйствуй, ни плачь -
волшебства не случится.
Дрогнет сердце — резиновый мяч.
Влажный воздух сочится.

Догорела любовь, как свеча.

Заменить ее нечем.

Я целую

ложбинку плеча

и вторую ложбинку плеча

и

прощаюсь.

Навеки?

1974

ГРИМ

У меня лицо от грима стало диким
В зеркало смотрю – себя не узнаю
Но ведь только так и можно стать великим
Изменяя облик 10 раз на дню.

1964

В РОМАН-ГИГАНТ

«Россия – лагерный барак»
вложил талант
усовестившийся дурак.
Но встал плотиною
Дурак преуспевающий:
За рупь с полтиною
Накапал на товарища.
Пришли без стука
Идеологи из сыска,
Изъяли рукопись
И выдали расписку.

А я, дурак, сошью
в кредит
суконный
фрак,
и – амба соловью:
смердит
законный
брак!

Ну и денек!
Маразм и солнце. День чудесный.
Ах, муженек,
ты дремлешь с дурочкой прелестной,
но в кабинет уже вошел
дурак Кровавый,
и к микрофону подошел
дурак Лукавый.
И, трахнув стопку
шизофреник-генерал
нажал на кнопку:
шарик
дуриком
взорвал.

1962

ГАРМОНИСТ ИЗ БОЛЬШОГО УЛУЯ •

Он не столько играл, сколько трудно работал,
поводил головою, как взмыленный конь.
А гармонь не нова. Каждый клавиш разболтан.
Через многие руки прошла та гармонь.

Он работал, как в поле, до смертного пота.
Разлохматились волосы. Не до красоты!
Но когда попадалась фальшивая нота,
то могуче ее заглушали басы.

Что он делал с гармонью! Он тискал, лаская,
уговаривал, нежил, был с нею на «ты»,
а потом прорвалась откровенность мужская —
откровенность отчаянья и немоты.

Девки ловко и лихо секли каблуками
пол, который ходил ходуном и гудел.
Танец был словно шифр — и его каблогаммы
разгадать бы, пожалуй, никто не сумел.

Это было в тайге, в тусклом клубе улуйском.
Духотища — и яблоку негде упасть.
В этот миг я постиг, что такое Искусство.
Это просто работа, возведенная в страсть.

1953

МОЙ ПУТЬ

Вновь апрель — и голубой, и розовый —
пригвозждает жизнь мою к кресту.
Верую, как русские философы,
в Истину, Добро и Красоту,

Так уж на Руси ведется исстари:
лживый колокол — все бам да бом,
но на свете существует Истина,
стены прошибающая лбом.

Что светить со скупостью кощеевой?
Нет, заправив вечное перо,
расточай, раздаривай, развеивай
все свое душевное Добро!

Я иду — и ртом сосульки трогаю.
Что желать мне и о чем жалеть?
Встретить россиянку длинноногую,
красоту ее запечатлеть —

и растаять свечкой стеариновой,
чтоб сказали люди в простоте:
«Он сгорел любовью старинною
к Истине, Добру и Красоте».

БАЛЛАДА О БЮРО ОБМЕНА

Чтобы я свое имя Владимир,
похожее на вымер, на стон,
сменил на другое имя и звался мусью Гастон?

Из черновиков Маяковского

В киоске «Мосгорсправки»
увидел Черта я.
Давала девка справки
насчет житья-бытья.

Хоть чувствую неладное,
Приду и прошепчу,
что жизнь свою нескладную
я поменять хочу,—

и по глазам, по личику
сумею я прочесть:
у Черта на куличиках
Бюро Обмена есть!

Меняет девка молодость
на шубу.

Старый кот
за кошечку, за модницу
старуху отдает.

Меняют Центр на Щукино
и ванну — на клозет.
Меняют мысли щуплые
редакторы газет.

Чудак какой-то искренний
с дипломом МГУ
московскую прописочку
меняет на тайгу.

Фарцуют парни свойские
за рюмкой коньяку.
Им зеркала савойские
мерцают с потолка.

Меняют франки-доллары
на девок, на рубли,
скулят ночами долгими:
Люби меня! Люби!..—
Меняет веру праведник...
А **вот** — мой вариант:

ОКЛАД В 2000 *ПРЯНИКОВ*

МЕНЯЮ НА ТАЛАНТ

— Отечество в опасности! —
ору я что есть сил,
Майор госбезопасности
Отечество сменил! —

То кружится, то рушится
весь мир вокруг меня,
и скоро обнаружится,
что я — уже не я.

А кто же я,
а кто же я,
кто я — такой большой?
Я — существо бескожее
с продрогшею душой.

Иду в пальтишке драненьком,
живу, дышу, пишу,
но свой талант на пряники

менять я не спешу.

Но и меня, затворника,
так соблазняет снедь...
Снег сбрасывают дворники!
Лежит на крышах смерть.

Но — к Черту наваждения
Я не хочу в «Савой».
Нет выше наслаждения,
чем быть самим собой.

1984

ЖИЗНЬ ДИОГЕНА

А. Чанышеву

Жил в бочке Диоген. Как ноги зябли!
Но пробирались женщины к нему —
раскачивалась бочка, как кораблик,
плывущий в вечность, в звезды, в брызги, в тьму!

Днем с фонарем искал он человека.
Смеялись люди: «Разве не дурак!
«Кого он ищет? Люди все от века!»
А он искал. Не находил. Никак.

Он обходил все цирки и арены —
бессребреник, синопский Диоген.
Его фонарь, такой на вид смиренный
Насквозь всех видел... Что пред ним рентген.

Но раз вернулся он в пустую бочку...
Ушла, ушла последняя из жен!
Всё тщетно. Диоген поставил точку.
Фонарь загнал на барахолке он.

Уж не стремился он дойти до сути,
а начал о квартире думать вдруг.
...Он служит — в Философском Институте
Античной Академии наук,

он пишет диссертацию о мозге,
с апломбом говорит, в кругу коллег:
«О, Александр Филиппыч Македонский,
наш император — это Человек!»

Теперь философ стар. Оклад в две тыщи
Он голоден. Какой уж там коньяк!
Он человека и в себе не ищет,
на баб не реагирует никак.

Но иногда как будто бы в угаре,
припомнит бочку... Жизнь прошла как сон.
Он в домино играет на бульваре
с такими ж диогенами, как он.

СУДЬБА ЗОИЛА

Зоил заслуживает того, чтобы о нем знали больше,
говорили и думали иначе.

*(«Древнегреческая литературная критика». М.,
«Наука», 1975)*

Когда я слышу крик: «Судью — на мыло!»,
когда ревет от страсти стадион,
я вспоминаю о судьбе Зоила...
Он был судьей. И критиком был он.
Фракийский раб, издевавший увечья,
он прозван был Собакой Красноречья.

Он на Гомере сделал себе имя.
Но все буквально понимал наш автор!
Знать не хотел сравнений и метафор.
«...душа, как облачко сиреневого дыма,

сквозь землю с воем тягостным ушла» .
— «Душа уходит в небо, а не в землю,
сказал Зоил. – Метафор не приемлю!»
И слава от него тихонько отошла.
Он заработал кличку «Бич Гомера» —
Да, в критике любой своя должна быть мера.

А в Смирне, говорят, лишь вышел на трибуну,—
его схватили, бросили в костер
(так через много лет сожгут Джордано Бруно),
за то, что у него язык был так остер.

«Глядите— дым под землю устремится! —
Гомер был прав!» Но от Зоила дым
Поднялся вверх, к свободным, вольным птицам,
Затем смешался с облаком седым.

Так был сожжен Зоил. Но не в обиде
он на судьбу, поскольку не впотьмах
его душа скитается в Аиде,
а странствует в лазурных небесах.

...Когда я слышу крик:
«Судью—на мыло!»;
и вижу — критик получает втык,
я вспоминаю о судьбе Зоила...
Гомер — гигант, но и Зоил — велик!

1977—1978

«Илиада», песнь XXIII.

КНЯЗЬ МЫШКИН

Т. Громовой

Неслышно идет по Земле
князь Мышкин XX века.
Женат он. И предан семье.
Совсем не больной. Не калека.

Идет за пшеном в «Гастроном»-
и тихо людей озирает...
Подлец — даже умный — при нем
в себе подлеца презирает.

А Мышкину — не до пшена.
Иным он подвержен заботам.
Кричит, осердившись, жена;
— Бог создал тебя идиотом!

Ее кратковременный гнев
бедняга всерьез принимает.
Светлеет жена, подобрев:
он всю ее боль понимает!

Стоит «Гастроном» за углом,
а люди выходят и входят
и, где не пройдут напролом —
пути обходные находят.

Ах если б он не был смешон —
пошла бы вся жизнь как по нотам!
Карьеры не сделает он.
Бог сделал его Идиотом.

Кутит ресторанный мразь,
одетая так пестровато...
Но что ему мразь, раз он — князь
поэтов, творцов, астронавтов?

Всё больше их — тех, что не врут,
и кукиш не держат в кармане,

и слово, бледнея, берут
в часы профсоюзных собраний.

Мужайся, князь Мышкин, бледней!
Потей, но божественным потом!
О дай мне, Бог жизни моей,
бесстрашие быть Идиотом!

1957

БАЛЛАДА О ГАДКОМ УТЕНКЕ

Евгению Евтушенко

Утенок
был гигантский, гадкий —
уродец
с кожицей негладкой.
Торчали острые лопатки
и оскорбляли птичий двор.

«Кря-кря...» — вздыхает утка-мама.
«Кру-кру!» — кричит гусыня-дама.
«Хру-хру...» — хрипит индюк упрямый,
какой позор! Какой позер!»

И птичий двор собрал собранье —
перемежался гогот с бранью,
и обнаглевшие собратья
птенца клевали до утра.

(Ты не ошибся, старый Андерсен,
да-да, ты не ошибся адресом,
когда писал с сарказмом яростным
о нравах птичьего двора!)

Желудки досыта набиты
и кровью гребешки налиты
у перекормленной элиты,
чей вкус воспитан на овсе.

...Махнул утенок через изгородь.
Ему колола лапки изморозь.
Еще не чувствовал он избранность —
пытался стать таким, как все.

Но было что-то не утиное
в утенке гадком. Не рутинное.
И взмыл он над землей родимою,
прощая тех, кто матом крыл.

Вы клейма нам на шейки лепите,
но мы — не селезни, мы — лебеди,
есть откровенье в нашем лепете
и есть великолепье крыл!

1962

ПАМЯТЬ

Летний день фестиваля
Юность мира поет
День забуду едва ли,
Если смерть подойдет.

Тишина – словно омут
Кругозор – как в раю
А трамваю речному
Часто славу пою

Если сил не хватает
Нежной страсти – труба!
Корабли отплывают.
Отплывает судьба.

23 апреля 1986

ИГРА

Есть Государство Кнопок.
Сегодня, как вчера,
Идет там – ближе к ночи –
Индейская игра.
Один хрипит, пунцовый,
Другой сопит, кряхтя.
Уперлись в стол свинцовый
Холеных два локтя.
Всей мощью каждый давит,
но силы их равны.
В столе две кнопки – с правой
и с левой стороны.
Идут от кнопок этих
Электропровода
К радарам и ракетам,
глядящим в Никуда.
Кто б ни осилил, кто бы
на кнопку не нажал –
испепелятся оба...
Мне лично их не жаль.
Но, стронцием объята,
Земля – в тартарары...
Кончай игру, ребята!
Что – нет другой игры?

1963

НОВЫЙ АДАМ

...Настало утро после битвы,
и гарь рассеялась к рассвету.
Я – бородатый, будто битник –
Брел по обугленному свету.

Вот антрацит Невады – слева,
А справа – антрацит Сибири.
Я – как Адам, что ищет Еву
В нелепом антрацитном мире.

Карабкаюсь по кручам горным
И тычусь о меридианы...
Сироткой, чадом беспризорным
Земля блуждает в мирозданье.

Ни щебет птиц, ни звон металла
Не льются в мир, когда-то милый.
Планета с запахом метана -
Шарообразная могила.

Несется пепел по пустыне.
Истлели книги и страницы.
Цивилизация отныне –
Лишь то, что в памяти хранится.

Хранится в ней не так уж много:
Семь аксиом, три теоремы,
безумные цвета Ван-Гога,
сто тысяч строк стихотворений.

... Не ты ль стоишь на горизонте,

о Ева атомного века,
в лучах оранжевого солнца,
словно праmaterь Человека?

Еще не все пропало, Ева:
мы возродим сады науки,
но яблoк с ядерного древа
Не отдавай безумцам в руки!

1963

СНЫ

Десятилетним снятся папы.
Свой папа — лучше всех чужих.
Хоть руки — как медвежьи лапы,
зато приятно греться в них.

Двадцатилетним снятся песни,
с небес упавшие в траву.
Они прозрачней и прелестней,
чем созданное наяву.

Тридцатилетним снятся бабы.
Чужие — чаще, чем свои.
Земные жены — отблеск слабый
иной, несбывшейся любви.

Сорокалетним снятся дети.
Без них так призрачно в дому!
О если есть любовь на свете —
то к сыну, к сыну своему...

1975

РАЗГОВОР С КОРРЕКТОРОМ

Кто сказал, что на улице май?
О корректор, ошибочка явная!
Это март, понимаете — март,
не в цвету, а в снегу эта яблоня!

Кто сказал, что мне тридцать
уже? Мне тринадцать,
поймите — тринадцать,
я пацан и мальчишка в душе,
хотя женщины изредка снятся.

Я еще никого не любил,
кроме бабушки, мамы и Юры.
Я еще не растрачивал пыл
на служение Богу Халтуры.

Я не пил, от людей запершись,
не дымил сигаретами «Шипка».
О корректор, прочти мою жизнь
и найди — где же вкралась ошибка?

...В тридцать лет начинаю с нуля.
Ни жены, ни квартиры, ни славы.
Я Жар-птицу схвачу — о-ля-ля!
Только вот удержать — руки слабы...

Я курю, размышляя о том,
как Жар-птицы не вызнать секреты.
Деньги, жены, квартиры — потом.
Слава Богу, что есть сигареты.

1962

КРЫМСКАЯ ОСЕНЬ

Прозрачную крымскою осенью
шипамися исколемся острыми,
прокатим Аринку на ослике
и жизнь эту снова начнем —
побродим пустеющей Ялтою,
хрустя холодеющим яблоком,
вдвоем подрейфуем на ялике
в мерцающем море ночном.

Ты вся хорошеешь божественно
от туфелек и до волос.
Любовь увядающей женщины
и мне испытать довелось.

За наши признания честные
нас боги мускатами чествуют.
Ты ночью — само сумасшествие,
а днем — добродетель сама.

Аринку мы к бабушке сплывили,
Венеру и Бахуса славили —
и галочку боги поставили
в реестре сошедших с ума!

И розы дарил я торжественно,
боясь, что посмеют опасть...
Любовь увядающей женщины
острее, чем юная страсть.

Кому я пойду и пожалуюсь,
что все увядает безжалостно?
Прошу я: «Пиши мне, пожалуйста...»
Себя за жестокость стыжу.

Пустеют пристанища пляжные.
Целую глаза твои влажные.
В рубашке, тобою отглаженной,
я в море один ухожу.

И пусть я свободой не жертвую
и, может, души не спасу,—
любовь увядающей женщины
до смертного дня пронесу.

Как мы устали от любви
за эти трое суток!
Устали волосы твои,
и тело, и рассудок.

Устали рощи и поля,
устали звезды тоже.
Устало вертится Земля.
Она уже не может.

На пляже лежаки пусты
и требуют починки.
Перебирать устала ты
холодные песчинки.

Пойдем в приморский ресторан.
Так хорошо устами
в вине осеннем растворять
блаженную усталость.

Держи меня, кружи меня
в усталом ритме танца.
Еще два дня, коротких дня —
и мы должны расстаться.

Мы растворимся в синеве,
поблекшей и осенней,
как растворились эти две
песчинки во Вселенной.

О феодосень —
осень в Феодосии!
Щедра ты, словно истинный поэт.
За все я отвечаю с этой осени —

за шум ракет и за прицел ракет.

Ах, никуда от этого не денешься,
не скроешься за тридевять морей...
Я отвечаю за судьбу двух девочек —
жены моей и дочери моей.

Пью крымский бриз космическими дозами,
живу в предошущенье волшебства
и — в поезд,
и прощаюсь с феоdosенью,
и жить спешу: мне скоро тридцать два.

1963

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Есть колесики, есть волоконца
у прозаика в точных часах,
а поэзия —
 время по Солнцу
в розовеющих небесах.

В прозе тьма их —
 хвалимых, хулимых
и таких, о которых молчок,
а поэзия —
 свет для любимых,
как для птицы — неба клочок...

Проза сеет добротные зерна,
мастерство и подробность ценя,
а поэзия —
 нерукотворна,
вся из музыки и огня!

1973

КАЛИБРОВСКАЯ УЛИЦА

Я не бродил по улицам парижским,
Но среди московских улиц мне мила
Та скромница, что за вокзалом Рижским
В останкинские рощи пролегла.

Да, я не видел Эйфелевой башни –
Останкинскую башню вижу я...
Там, в облаках, на высоте бесстрашной
пристроил Бог времянку для жилья.

Он видит все. Он не простит развода,
он знает, что дышу, и что пишу,
кому я из ворот хлебозавода
горячие батоны выношу.

Здесь мир мой – и устойчивый, и прочный,
здесь электрички воют за стеной.
Здесь я живу в квартире крупноблочной
с двадцатилетней ветреной женой.

И все таки любовь жива покуда
над атеизмом всех Наташ и Люсь
горит в ночи останкинское чудо...
На Башню, как на церковь,
я молюсь.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Утоли мои печали, Натали!
Как мне жить, неутоленному разине?
Вот рюкзак мой. Дай мне руку – и пошли
пешкодралом – по Уралам, по России!
(Заночуем мы под звездами в стогу.
На рассвете холодком потянет с Волги.
Неужели я развеять не смогу
респектабельные сны о белой "Волге"?)

Утоли мои печали, Натали!
Я печален, как нескошенная пажить.
Слишком долго я искал в земной пыли
ту, с которой по Земле легко бродяжить.
(Будут ласточки в кюветах пить росу.
Будем пить маджари в стареньком духане.
На руках через Дарьял перенесу
это тельце, это легкое дыханье.)

Утоли мои печали, Натали!
Мне не спится в свете месяца, под стогом.
Утоми меня ночами, опали,
будь женою пред людьми и перед Богом.

(Спит любимая среди лунной белизны.
Спят ресницы, брови, челка светлой масти.
Входит, крадучись, в мои земные сны
марсианское, несбыточное счастье.)

1968

* * *

В жизни

самое главное – выжить,
то есть вес предназначенный выжать,
срок отпущенный честно прожить.

А в любви –

ни на что не надейся!

А в любви -

ни на что не надейся!

Не добьешься Тебя, как ни бейся.

Чем глаза Твои приворожить?

Остается запоем трудиться –

Может, путное что и родится,
поздним,

мертвенным цветом цвести.

До свидания, друг, до свидания!

До страдания, друг, до страдания
тоже надо уметь дорасти.

9 января 1985

ЧЕТЫРЕ ГОДА И ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Лирическая хроника

Две женщины с татарскими глазами
необходимы мне, как хлеб ржаной.
Одни глаза –
промытые слезами,
другие –
с азиатской рыжиной.

С одними я знаком четыре года,
с другими я знаком четыре дня,
сперва я расскажу четыре года,
потом я расскажу четыре дня.

ГОД ПЕРВЫЙ

Я помню, как мы жили в Барнауле,
в той девятиметровой конуре,
как вместе ели
на одной кастрюли,
как вместе просыпались на заре.

Стыдливая минута пробужденья –
миг бытия,
а не житья – бытья!
Вся жизнь моя рассказана с рожденья,
с рожденья жизнь рассказана твоя.

Два платица на вешалке повисли,
а женщина
лежит с тобою вплоть,
и мысли женщины –
твой отныне мысли,
и плоть ее –

твоя отныне плоть.

Она лежит на койке,
как на ложе,
непринужденно руки заломив,
и ты целуешь оспинки на коже –
тех оспинок не знала Суламифь.

Вот так мы жили
в комнатухе теской –
тут кабинет,
и спальня,
и салон.
Вся жизнь моя была – как Песня песней,
хотя я далеко не Соломон.

ГОД ВТОРОЙ

О год исканий,
снежный год исканий!
В жару и холод,
В непогодь и зной
Мы шли через
горнило испытаний,
Что в просторечьи названо
«семьей»

Не стала ты моей ни в первый вечер,
ни в двадцать первый, ни в сороковой,
мы целый год друг другу шли навстречу,
черты не преступая роковой.

Мне страшно, что зовут тебя Тамарой.
За древним этим именем встает
вся жизнь моя, весь этот пламень ярый,
который и сегодня сердце жжет.

Ты – женщина, но в самом высшем смысле.
Веду с тобой особый разговор:

Нечеткие высказываю мысли,
а четкие скрываю до сих пор.

Мы пьем вино, играя в чет и нечет,
но сладостней, чем винная лоза,
твои екатерининские плечи,
твои александрийские глаза...

ГОД ТРЕТИЙ

Мы вошли в любовь,
как в темный лес –
он извечным сумраком закован.
Мы не знали
всех его чудес,
мы не знали
всех его законов.

Нам сперва казалось,
что в лесу
мало чем влюбленные рискуют –
в том лесу
фиалки пьют росу
да кукушки до ста лет кукуют.

Третий год
мы по лесу идем,
все познав –
отчаянье и радость.
Мы продрались через бурелом
всяческих житейских неурядиц.

Но чем дальше
в глушь заходим мы –
спотыкаемся с тобой все чаще...
Как ложбинки вековой тьмы,
Там инстинкты притаились в чаще.

Вот инстинкт свободы –

это он
жизнь мою спокойную калечит.
Вот инстинкт отцовства – это он
что-то вместе с Ладушкой лепечет.

Как их совместить – не знаю сам.
Как понять – что хрупко,
что не хрупко?
На сосне, открытой всем ветрам,
ты сочишься смолами, зарубка.

Перед нами жизнь:
трудись, живи,
не прислушиваясь на опушке
к обещавшей нам сто лет любви,
к обманувшей путников кукушке.

ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Четвертый год мы прожили в предместьях
Столицы, что соблазнами влекла,
И расцветала дочка все прелестней,
И красоту твою отобрала.

О, сколько комнат мы с тобой снимали!
И кто меня посмеет обвинить,
Когда тебя в гостиницах сменяли
те руки,
что не могут заменить?

Не раз во время тягостной разлуки
в любовь я, словно в кубики, играл,
И, сравнивая губы,
плечи,
руки,
покладистых матрешек выбирал.

... Но в час,

когда в любви исчезла прелесть,
семья похожа на театрик тот,
где зритель мощно раздвигает челюсть –
ведь спать пора,
а пьеса все идет!

В ней нет интриги,
потускнели краски,
и акт четвертый – самый лобовой.
Я, зритель,
и хочу любой развязки –

трагической,
комической,
любой!

И в миг, когда я был готов отчаяться
и пасть к любым сценическим ногам,
другое имя
стало мне встречаться
и в дневнике светиться по ночам...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Мы плывем на байкальском катере
И прозрачен Байкал до дна,
и накатывают,
и накатывают
брызги свежести
на меня.

Вижу плечи ее покатые
что снотворны, как люминал,
и накатывают,
и накатывают
волны нежности
на меня.

Отдаюсь я движенью быстрому,
вот и песня – моя сестра:
«Ты навеки мне
стала близкою,
величавая
Ангара...»

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На подмосковном аэровокзале
Оно возникло в куртке вырезной.
...Ее глаза
тебя очаровали
и обозлили наглой желтизной.

Я помню –
ты смутилась откровенно,
присматривалась нервно
к той, другой,
и верила,
что я останусь верным –
пускай не телом,
только бы душой!

Потом, вино пригубив из бокала,
десятым чувством угадала ты
и эти поцелуи у Байкала,
и броские
сибирские
цветы,

И то, что вновь настигнет ослепленье,
что я стою
у бездны на краю,
и припаду лицом я на колени,
как об утесы,
щеки раскрою...

ЛЕНИНГРАДКЕ

В этом мире, где буйствуют ветры,
где высокие травы в росе,
между нами – шестьсот километров
шелестения шин по шоссе.

В этом мире, где сосны и кедры
подступают к тебе на порог,
между нами – шестьсот километров
громыханья железных дорог.

В этом мире, где женщины щедры,
Где прекрасны улыбки детей,
между нами – шестьсот километров
реактивных воздушных путей.

Есть экспрессы. Есть «Ту-104».
Есть такси – лишь маршрут назови...
Да, мне нравится жить в этом мире,
где рукою подать до любви!
1972

НАТАЛИНКА

Невесомо, как пушинка-тополинка,
На меня слетело имя «Наталинка»
Наталинка – это бледная былинка,
что асфальт земной
проклюнула,
прожгла.

Наталинка – это песенка – калинка,
Наталинка – это звездная пылинка,
Наталинка – золотая пепелинка,
жизнь мою
испепелившая
дотла.

НЕ ОТНИМАЙТЕ!

Ей – лишь семнадцать на звездных часах,
Мне – тридцать восемь...
Осень рассыпалась в ста чудесах,
Вымерзла осень.
Греться грешно у чужого огня,
На оттоманке...
Не отнимайте её у меня,
Не отнимайте!

Вечно стою на охране границ.
Жизнь – как на фронте...
Что вам – других не хватает девиц?
Эту – не троньте!
Мальчик, нам надо остаться людьми
Рыцарской масти!
Скажут: «мужиною будь, отними!» -
Не отнимайте!

Сто журналистов напишут про нас
сто фельетонов,
и –
сто девиц мне всучат про запас
сто телефонов.
В ста телефонов – одно лишь вранье,
ложь – в автомате...
Не отнимайте меня у неё,
не отнимайте!

Вас, уркаганы, и вас, короли,
вас, футболисты,
вас, Дон-Жуаны, и вас, кобели,

вас, журналисты,
вас, подсудные Судного дня,
молит романтик:
– Не отнимайте ее у меня,
не отнимайте!

1968-1981

РЕСТОРАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Мужай, моя душа, одно – развенчивай,
другое – возвышай и утверждай.
...Вхожу я в ресторан с красивой женщиной –
в сверкающе-общедоступный рай.

Наверно, это все-таки безумие –
Так полюбить Тебя, как я люблю
глаза Твои – воистину бездумные,
и гордое презрение к рублю,

и артистические нотки в голосе,
и переход от счастья до тоски,
и то, как Ты расчесываешь волосы,
и то, как ты выходишь из такси.

Над ресторанной суетой крикливою
возносишь Ты спокойно и легко
лицо – нечеловечески красивое,
почти что некрасивое лицо.

О женщины, вы чудом плеч покатых,
лишаете нас отдыха и сна,
на школьный партах
и на звездных картах,
мы вырезаем ваши имена,

Лишь ради вас мы совершаем подвиги,
романы пишем, буйствуем, грешим, -
так будьте снисходительнее к подданным!
Особенно – к высоким и большим...

ДЬЯВОЛ

Разум мой высох и гений зачах.
Дьявол мне начал являться в ночах.

Часто ко мне он приходит во сне –
В галстук «бабочке», в тонком пенсне.

Нагло на койку садится мою,
Шепчет слова про неверность Твою.

Если уйдешь Ты – себе не прощу,
Выпрошу пулю и в сердце пущу.

Я бы прожил без Твоей красоты.
Мало ли женщин красивей, чем Ты?

Мир переполнен, пе-ре-населен.
Девушек лучше тебя – миллион!

Но лишь с Тобой в этот дьявольский код
Разум мой светел и гений цветет.

КОРОЛЕВА

Я – придворный поэт Королевы.
Я давно в Королеву влюблен.
От навета, от Божьего гнева
я любовью Ее защищен,
Я гораздо болезненней, старше.
Но когда заболел я всерьез -
оказала мне милость монаршью,
навестила с бутонами роз.

А ещё – принесла сигареты...
А потом показала, спеша,
из окна королевской карты,
как столица ее хороша.
Подарила два-три поцелуя –
и вернулась к заботам своим.
Одиноко на свете живу я,
королевской любовью храним.

У Нее – две чудесные дочки.
У Нее – то балы, то дела...
Но вовек не забыть мне той ночи,
что со мною Она провела.
Вряд ли светлая ночь повторится,
слишком немощен стал я – и стар.
Молодой и неведомый рыцарь
королевским любовником стал.

Все терплю – и пишу Ей всё чаще,
и Она моих писем не рвет,
словно старческий почерк дрожащий
охраняет Ее от невзгод.
А когда накоплю я деньжонок,
я пошлю Ей подарок один:
присмотрел я в лавчонках Дижона
драгоценный старинный рубин.

Раздобытый над сумрачной бездной,
этот камушек чистой воды

сохранит от двенадцати бедствий
и одной настоящей беды.
Каплей крови моей, каплей песни
он горит над колечком тугим.
Только на ночь снимай этот перстень,
когда будешь в постели с другим...

6 января 1985

АЛЛИЛУЯ

Я – рожденный ползать. Я болен.
То ли червь я, то ли моллюск...
Об иной, о крылатой доле
Солнцу Моцарта я молюсь.

...Не гитары соблазн греховный,
бардов хриплые голоса,
не поганщина за целковый,
не забава на полчаса
женский голос,
 такой церковный,
устремляется в небеса,
и над скукой земных эмоций,
в беспредельности бытия.
«Аллилуя!» – ликует Моцарт,
«Аллилуя!» – ликую я.

Разверзается быт болотом –
но, спасенье даруя вновь,
приучают меня к полетам
Анна, музыка и любовь.

Длинноногая недотрога!
Два билета на край Земля –
и по морю пройдет дорога
к островку от людей вдали.

Губы трепетные целую,
А в ребре так и пляшет бес.
Анна, Аннушка, Аллилуя!
Помнишь наш августовский лес?

Там полуденный жар несносен,
Комары свирепы, как львы.
Ты лежишь на иголках сосен.
Обучаю тебя любви.

Ты – невеста в свитере белом –
Еще девственно хороша....
И дума Твоя не робела,
полумраком лесным дыша,
в вечном споре души и тела –
Победительница – душа!
А душою я овладею...
Стать не солнцем – хотя б лучом! –
Вот о чем молюсь Амадею,
вот Вольфгангу молюсь о чем.

И, над скукой земных эмоций
горний свет с высоты лия,
Лучезарно ликует Моцарт
В беспредельности бытия.
Сладкозвучьем исходит Моцарт:
- Аллилуя! Алли-луйя!

1972, 1985

АКТЕР

Я принимаю день любой
как божий дар, как милость.
Две трети жизни за спиной.
Душа – не изменилась:

всё так же смотрит в небеса
в предчувствии полёта,
всё так же верит в чудеса
и тайно ждет кого-то.

Но где б за тридевять морей
что б ни случилось в мире...
– всё эхом слышится в моей
трехкомнатной квартире.

Но где б за тридевять земель
что б ни стряслось на свете:
– все проникает, словно, в щель,
сюда, в хоромы эти?

Я поздно стал самим собой,
покончив с жизнью мнимой.
Хочу я властвовать судьбой,
как властвуют любимой.

Я прописал себе режим -
режим работы яростной.
Актер, я жизнью одержим. -
горластой, многоярусной!

Сквозь мрак и свет мой путь пролёт,
лежит, никем не мерянный,
А всё, что было, – лишь пролог,
лишь затянувшимся пролог -
судьбы моей преддверие,

15 декабря 1984

Я БЫЛ ГРУЗЧИКОМ В ДОМЕ МОДЕЛЕЙ

Я был грузчиком в Доме Моделей.
Я таскал реквизит на спине.
Манекенщицы, словно миледи,
назначали свиданья – не мне.

Я следил отчужденно и немо,
как восходят на длинный помост
эти рыжеволосые Джеммы -
прародительницы кинозвезд.

Красота – это тяжкая ноша.
Так воюй с модельером, воюй,
чтоб парча, как змеиная кожа,
облегала фигуру твою!

Манекенщицы – зависть всех женщин.
Мне их видеть вблизи довелось –
их, красавиц, в активе имевших
только рыжее пламя волос.

Не стыдились – при мне раздевались,
лошадиный распшиливши хвост...
А с годами в боках раздавались,
и помост походил на погост.

Лишь немногие вновь молодели
и старательно красили рты...
Я был грузчиком в Доме Моделей.
Ох, и тяжек ты, груз красоты!

Я влюбился однажды в кого-то,
тосковал, а по ком – не скажу.
Я уволился с этой работы.
Кукурузу на базе грузу
1976

* * *

Ты не любишь меня. Очень просто.
Как мне выжить в такую грозу?
Милосердия милые сестры,
Отойдите – я сам доползу!

Ты не любишь меня. Но по знаку,
Подтверждающему, что люблю,
В сотый раз поднимаюсь в атаку,
След кровавый по травам стелю.

Есть ходячая мудрость поэта:
Раз не любят – уйди и смирись.
Дезертирская логика эта
Не для нас, уважающий риск.

Выживаю – с мечтою о чуде.
Жду, когда запоют соловьи.
Есть на свете упрямые люди.
Нет на свете несчастной любви.

Всем капризам Твоим потакая,
Накакой не унижу хулой.
Да, я ранен – но рана такая
Поднимает меня над Землей.

19 января 1985

* * *

В летнем парке, среди матрон
и дам дебелих,
где певичка безголосая хрипела, -
вдруг запело твое радостное тело....
Музыканты, надрываются, трубя.

Ты подрагиваешь телом, словно кобра,
под лучами глаз – то добрых, то недобрых,
враз три обруча вращаются на ребрах,
и на бедрах, и на шее у тебя.

30.04.94 (последние стихи в дневнике)

ЗАВЕЩАНИЕ

Счастлив, кто падает вниз головой.

Мир для него хоть на миг, а иной.

Ходасевич

Хорошо присесть на дорожку
и пешком, пока ночь тиха,
выйти к «Дому на курьих ножках»,
что в районе ВДНХ.

Этажей в доме — двадцать пять.
Время — пять. Неохота спать.

Анна, Анна, не надо плакать!
Я пока еще не погиб.
Одного боюсь: буду падать —
и шарахнусь о детский гриб.

Или хуже — в полете кратком
я задену за провода:
и подъезды, и детплощадки
обесточу я навсегда.

Анна, Аннушка, чур, не плакать!
Не замолишь моих грехов.
Оставляю Тебе на память
чемоданы черновиков.

Без особой такой печали
помяните меня добром,
хоть посмертно пробив в печати
часть написанного пером,—

и с бессмертьем сроднит строка
имя светлое Анны К.!

Помни, помни о просьбе малой:
я лежать после смерти рад
рядом с бабушкой и мамой,
что на сельском кладбище спят.

Пусть шумят надо мной деревья —
и березонька, и ветла,
пусть негромко вздохнет деревня,
под Луною светлым-светла.

Чтоб душа моя в звездном иле
растворилась среди темноты,
Ты плиту поставь на могиле,
Вот и надпись для той плиты

«Здесь лежит Эдмунд Иодковский,
звездоплаватель и поэт...»
В день девятый у той березки
соберитесь на лунный свет.

За стихи — лепестки огня —
помяните добром меня!

Вот и всё.
Как морозен воздух!
Как столица в ночи свежа! ...
И лечу я — ногами к звездам —
с двадцать пятого этажа.

20 января 1985

СТИХИ С ЭПИГРАФОМ

Стань солнцем – все тебя и увидят!

Достоевский

Опять стихами прочищаю горло,
Пью их целебный, их крутой настой.
Опять меня томит словесный голод,
Опять меня палит словесный зной.
Я стал рассеян. Кошелечки теряю.
Уйду бродить – по снегу ль, по росе –
И мысль из старой книги повторяю:
«Стань солнцем – и тебя увидят все!»

О критик мой! Не надо бы смеяться
И фыркать насчет образов: «Детсад!»
Библейски-мудрым был и я – в семнадцать,
Но стал куда наивней в пятьдесят.
Живу, окутан сетью обязательств,
Кручусь, кручусь, как белка в колесе,
Твержу себе в приемных всех издательствах:
«Стань солнцем – и тебя увидят все!»

Опять тебя любимая отвергла,
Заставила от ревности страдать?
Что ж, - заслоня свой блокнот от ветра,
Прими несчастье как благодать!
Не бойся надоесть. Не смей обидеть!
Звони на Ленинградское шоссе!
Любимая тебя не хочет видеть?
Стань солнцем – и тебя увидят все!

10 января 1985

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Звучала музыка миров –
играли фугу.
Последним поездом метро
я ехал к другу.

И облик девушки чужой,
с улыбкой сонной
вдруг полоснул меня свежо
в двери вагонной.

Но миг – и он туманен вновь,
двоится зыбко...
Прощай, мгновенная любовь,
прощай, улыбка!

Всё, что любил я на Земле,
во что я верил –
лишь отраженье на стекле
вагонной двери.

Мгновенна жизнь. И я уйду,
бесследно скроюсь,
как скрылся в черную дыру
последний поезд.

1970

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Жизнь поэта есть дорога дальняя
Между молотом и наковальнею
Но порой строка сверкает золотом
Между наковальнею и молотом

1991

СМЕРТЬ ПОЭТА

За поэтов не судят в моем переулке
Убивают их здесь безнаказанно.
Надо мною –
с ножами в крови –
пели урки,
что убийство мое не доказано.

Я простил напоследок одними глазами
моих братьев, моих несмышленишей.
Я качался, качался, я вздрогнул – и замер.
Никого всепрощеньем не тронувши.

12 марта 1964

ПОМОГИ ГОСПОДИ

Дай мне, Господи, сил побольше!
Дай исполнить замысел твой!
Дай шкатулку с землею Польши
и аршин земли – под Москвой.

Не топи мой челн на порогах,
научи и терпеть и ждать.
Дай врагов на моих дорогах,
чтобы было кого побеждать.

Дай любовь – ту, что вечно снится,
Дай взрастить сыновей и дочь.
Дай не скурвиться. Дай не спиться.
Дай отверженному помочь.

Апрель 1994 г.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Он не ушел — выпал из поезда на полном ходу. Ушел от нас так внезапно, так нелепо. А голос его с неповторимыми интонациями глашатая, трибуна звучит, как звучат его вдохновенные стихи...

Это было 20 лет назад. Мы тогда собирались на разных квартирах — члены необъятного литобъединения, которое вел Эдмунд Иодковский. Он умел притягивать таланты, был своего рода лидером литературного подполья. За это яркий поэт расплачивался невозможностью печататься, иметь достойную работу, подвергался обыскам. Многие из круга Иодковского уехали в свое время за кордон, иные вошли в литературу у себя на родине, но немало незаурядных поэтов и прозаиков и сейчас прозябает в сторожках и котельных. Гибель Эдмунда снова собрала в ЦДЛ эту разрозненную теперь пишущую братию. Собрала лишь на миг.

А тогда, в начале 70-х, мы часто собирались. Однажды ко мне в замосквореченскую коммуналку, где я одно время жила, пришли в гости поэты Эдмунд Иодковский и Вениамин Волох, а также прозаик Николай Климонтович. Тогда и было записано это интервью на магнитофон «Романтик». Оно добавляет новые штрихи к портрету человека, который вмещал в себе эпоху со всеми ее противоречиями, вмещал полноту жизни. И хотя Эдмунд в этой беседе с Климонтовичем ниспровергает романтизм, он тут же утверждает его в своих стихах. Собственно, и суровый стиль, за который он ратует, был в искусстве не реалистическим стилем, а скорее романтико-патетическим, преисполненным пафоса. Высокий романтический настрой был свойствен поэзии Иодковского наряду с едким сарказмом. Перефразируя его строки, можно сказать о нем и его творчестве, что он оставался до последних дней «несгибаемо юным».

Его любимые стихи, прочитанные им в тот вечер, далеко не все включены в его единственный поэтический сборник, вышедший в 1991 году...

Николай Климонтович.

С чего и как начался у вас творческий процесс?

Эдмунд Иодковский. С того, что нам задали сочинение на свободную тему. В мире несвободы даже сам термин «на свободную тему» уже приятен. Я написал стихи. Думал, что мне поставят тройку, но мне поставили пятерку.

Н.К. Не могли бы вы назвать момент, который наибольшим образом повлиял на ваше формирование как творческой личности?

Э.И. После университета я приехал на Алтай поэтом-халтурщиком, автором песни «Едем мы, друзья», таким московским пижоном. Мне посчастливилось встретить

там замечательную девушку, которая стала моей женой. К моему удивлению, она оказалась намного левее, чем я. И она выбила из меня тяготение к халтуре. Я понял, что жизнь — слишком серьезная вещь, чтобы о ней говорить легкомысленно.

Фото 1980 г. Эдмунд (справа) на свадьбе у Э. Белевской

Н.К. Мы знаем, что на творчество поэта оказывают самое большое влияние факты из личной жизни. Не смог бы Эдмунд сказать, какое самое большое впечатление личной жизни определило его поэтическое мироощущение?

Э.И. Присутствующему здесь Вене Волоху однажды в 1966 году я сказал: «У меня сейчас такое ощущение, что жизнь состоялась». Это ощущение возникло из-за того, что я встретился с обычной московской девочкой. Звали ее Наташа Новикова. Три года, что я был с ней, для меня не существовало других женщин. Она была, остается и, я надеюсь, навсегда останется единственной и главной любовью в моей жизни.

Н.К. Как складывалась ваша судьба — поэта и человека — в соотношении с судьбой вашего поколения?

Э.И. У меня в начале моего творческого пути было такое ощущение, что почти все, что я хочу сказать людям, уже сказал мой ровесник Женя Евтушенко, но потом я узнал, что не только у меня такое ощущение. Пастернак некогда страдал из-за того, что его система рифмовки напоминает Маяковского, и тогда он начисто, как он говорил, отказался от романтической позы поэта. В результате мы получили голос необыкновенной чистоты и силы.

Примерно та же эволюция произошла и у меня. Мне страшно претит всякий романтический наигрыш в стихах, и хотя этот магнитофон называется «Романтик-3», уже то, что этим именем стали называть магнитофоны, говорит о девальвации

романтики. Сейчас наступило время реалистическое — время сурового стиля, как принято говорить у художников. И поэтому все, что я написал после 56-го года, я бы уже не отнес к тому ложно романтическому стилю, в котором была написана песня «Едем мы, друзья», поэма «Молния в сердце», опубликованная в свое время в «Сибирских огнях», многие ранние стихи. Я начисто отказываюсь от них, и в новую свою книгу не включил ни одного из стихотворений той поры.

Однако, если говорить о реалистической поэзии, то все-таки она тоже должна создаваться личной биографией. Биография накаляет строку. Моя жизнь сложилась так, что мне выпало почти 13 лет скитаний по Москве без собственного угла. После того, как я написал «Едем мы, друзья» и уехал на Алтай, я потерял московскую прописку. Тогда я не придавал никакого значения этому факту, но прошло 13 лет, пока я не обрел свою нынешнюю квартиру на Старом шоссе. Об этом — стихотворение «Монолог Кавалерова».

Фото: Э. Иодковский правит роман «Марсианка бродит по Арбату», Старое шоссе, 1972 г.

Н.К. Очевидно, когда хороший поэт пишет стихи, о чем бы он ни писал - о женщине, о старой Москве или о своих скитаниях и невзгодах - у него все получается одинаково глубоко и требует от нас каких-то адекватных эмоций. Очевидно, бурные события политической жизни, которым довелось вам быть свидетелем, тоже должны были как-то отразиться в ваших стихах?

Э.И. Наше поколение, которое выходило в жизнь в 54-м году, было преисполнено романтических иллюзий, об отказе от которых я уже говорил. Но тогда, в 54-м, я помню, как с поэтом Мишей Курганцевым мы называли себя молодыми хрущевцами. Потом я пережил эпоху разочарования в Хрущеве и в системе. И только сейчас, после того, как наступило еще более суровое время, я понимаю, что одиннадцать лет Хрущева войдут в историю нашей страны как время просвета. Тем не менее именно в силу того, что появился некий просвет, нам стали ясны и все уродливые черты того времени. Вот о них я написал стихотворение «Баллада о бананах».

Н.К. Теперь позвольте задать традиционный вопрос. Вот мы знаем, что Эдмунд последнее время обратился к прозе. Может быть, это связано с тем, что все мысли или желания, которые накопились у поэта, уже не укладываются в рифмы и требуют выхода, в прозу?

Э.И. Безусловно, это первопричина — то, что жизненный опыт не укладывается только в эти рифмованные или нерифмованные строки. Но пожалуй, вернее будет то объяснение, к которому я пришел лишь сегодня. Проза, как говорит Николай Климонтович, есть более высоко организованная форма искусства. Однако я в данном случае стою за синтез. Я считаю, что современная проза тяготеет к синтезу и стиха, и верлибра, и собственно прозы, и философии, и всего остального на свете. Дало лишь в чувстве меры, вкуса, в том, чтобы не получилось скучно. Все жанры хороши, кроме скучного. Я бы сказал так, что для меня проза не есть какой-то принципиально новый этап творчества. Это просто продолжение той же линии, но несколько иными средствами. Причем я стараюсь писать прозу так, чтобы ее можно было запомнить как стихи. Когда речь идет о небольшом рассказе, можно представить себе прозаика, который помнит свой рассказ наизусть. Я попытался написать такой роман, который я весь мог бы запомнить или в случае, например, утраты рукописи мог бы восстановить ее с точностью до единой фразы. Для этого я выработал особую систему расположения фраз. И вот сейчас я могу это продемонстрировать. Я прочту один абзац, который мне кажется верной линией поведения для меня лично: «Вопреки распространенному мнению, мужчина относится с особым уважением к женщине, идущей навстречу в первый же вечер. Это значит, что она не претендует на твое время, на твое будущее, и именно поэтому хочется отдать ей это время и это будущее. Любовь, купленная ценой многолетних ухаживаний, унижений, немногого стоит — значит озарения не было».

Фото: Эдмунд, Людмила Иодковские с друзьями

Н.К. Ваше поколение нельзя, к сожалению, назвать самыми молодыми представителями нашей литературы, но в то же время вам далеко еще до положения маститых художников, окруженных учениками, имеющих свои школы, и на этом этапе зрелости, только-только обретенной, что бы пожелал Эдмунд молодому поколению?

Э.И. В некотором отношении юность и старость похожи. Им присуща одна и та же черта — вздорность. И вот у нашего поколения наступило сейчас такое время, когда мы уже не имеем право на вздорность юности и еще не имеем право на вздорность старости. Пришло время ответственности, время зрелости — и здесь, я считаю, важнее всего, чтобы твое слово претворилось в поступок, потому что в нравственной традиции русской литературы заложена неразрывность слова и поступка. Все, что мы пишем — всего лишь слова, слова, слова... Настало время поступков. Недавно я узнал, что застрелился мой ровесник Дима Голубков. Это поступок. Поступок своего рода. Хотя и не тот поступок, к которому я готов. Я, наверное, никогда этого не сделаю. Но это — поступок. И мне хочется найти нечто адекватное. Нечто такое, что доказало бы, что наше поколение способно на поступки.

Н.К. В заключение мне хотелось бы попросить Эдмунда прочесть то, что ближе ему самому, что больше всего ему как автору помнится.

Э.И. Стихи, как дети — все дороги по-разному. Но так как мы находимся в гостях у прекрасной художницы, я позволю себе закончить этот вечер стихотворением «Художники».

ОН УШЕЛ ТАК ВНЕЗАПНО

Эдмунду Иодковскому - главному редактору умершей вместе с ним газеты «Литературные новости» исполнилось бы 6 августа 62 года. Он погиб под колесами автомашины. Ушел так внезапно, так нелепо – будто выпал из поезда на полном ходу. А голос его с неповторимыми интонациями звучит в его стихах.

20 лет назад. Ко мне в гости пришел Эдмунд Иодковский с прозаиком Николаем Климонтовичем и поэтом Вениамином Волохом. Решили обновить магнитофон «Романтик», который я только что купила. И стал Климонтович интервьюировать Иодковского будто бы в шутку. А получилось всерьез.

Эдмунд предстает в этом интервью отнюдь не заливчатским комсомольским поэтом, каким многие пытаются его представить. Принесший ему популярность целинный шлягер «Едем мы, друзья» мог бы распахнуть незаурядному поэту двери в литературу, благополучную жизнь. А вышло так, что даже двери родной столицы перед ним захлопнулись после возвращения из дальних краев, куда он последовал за своей песней. Произошла переоценка ценностей. Он ниспровергает ходульный, казенный романтизм и становится обличителем.

В искусстве ему созвучен «суровый стиль», который был романтико-патетическим, преисполненным пафоса. Но особенно романтизм сказался в его лирике.

Он окружал романтическим ореолом женщин, которых любил. И что удивительно - разрыв отношений, развод не разрушали в его душе этого ореола. Он сохранял свет пережитой любви, накапливал в себе этот свет. О нем можно сказать словами Христа: «Кто много возлюбил, тому многое простится». Воистину он любил не только друзей, но и врагов, если те были талантливы. При своей политической боевитости и бескомпромиссности он был человеком очень добрым, незлобивым, теплым во взаимоотношениях с людьми. Легко прощал и даже печатал в своей газете далеко не безобидные шутки и выпады в свой адрес. Бывало, даже награждал их авторов. Его девизом было «Каждый имеет право быть услышанным». Он возвышался над личными обидами, не чужд был самопародии.

Эдмунд Иодковский и Арсений Чанышев, 6 августа 1989 г, на дне рождения Эдмунда.

В большую журналистику он пришел не из номенклатуры, с началом перестройки, быть может, наступив на горло собственной песне. Его никто не назначал бы главным редактором такой газеты, как «Литературные новости», если бы он сам без гроша в кармане не основал ее, более двух лет будоражившую умы интеллигенции, ставшую знаменем антифашистов. Он был душой и телом этой газеты. Ее руководителем и чернорабочим. Без него она не смогла просуществовать и дня. Хочется верить, что когда-нибудь мы узнаем, случайно ли погиб на обочине дороги под колесами грузовика Эдмунд Иодковский или это злая воля его врагов.

«Литературные новости» не могли бы состояться, если бы Иодковский не был много лет своего рода лидером литературного подполья, не вел необъятное литобъединение, гонимое властями, собиравшееся на разных квартирах. За это поэт расплачивался невозможностью печататься, иметь достойную работу, подвергался обыскам. Его первый и единственный поэтический сборник «Капля звезды» вышел только в 1991 г. А ведь по масштабу своего таланта он мог бы войти в первую обойму. Многие из круга Иодковского уехали в свое время за кордон, иные вошли в литературу у себя на Родине.

... Вспоминаю мой день рождения 12 мая 1975 года. У меня дома собралось чуть ли не все литобъединение. Ждали Иодковского. Он появился поздно и объявил, что у него родился сын.

Примерно в это же время 19 лет спустя его сбила машина. 12 мая 1994 года я пригласила Иодковского на презентацию своей книги стихов в Дом духовного наследия. Думала ли я, что не увижу его больше живым? Было у меня в этот день какое-то предчувствие надвигающейся беды. Были предзнаменования и у других его друзей. Говорят, это - признак высокой энергетики погибшего.

Возможно, все трагические случайности в нашей жизни predeterminedены. И недаром роковую в эту роковую для него дату почти двадцать лет назад Эдмунд выбрал для чтения по кругу именно это свое стихотворение:

*Звучала музыка миров -
играли фугу.
Последним поездом метро
я ехал к другу
И облик девушки чуждой
с улыбкой сонной
вдруг полоснул меня свежо
в двери вагонной
Но миг - и он туманен вновь,
струится зыбко
Прощай, мгновенная любовь,
прощай, улыбка.
Все, что любил я на Земле,
во что я верил -
лишь отраженьё на стекле
вагонной двери.
Мгновенна жизнь,
и я умру, бесследно
скроюсь,
как скрылся в черную
дыру
последний поезд*

Элеонора БЕЛЕВСКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ	4
МОНОЛОГ ВАГОНА	9
НОЧЬ НА 6 АВГУСТА	11
МАРСИАНКА	14
РЫЦАРЬ	16
ТЕТРАПТИХ О РОССИИ.....	17
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	20
ДВА ДОМА.....	24
КОРАБЛЬ	26
БАЛЛАДА О ДВУХ ПЕТРОГРАДСКИХ ПОЭТАХ	27
ПАСТЕРНАК В 1932 ГОДУ	30
ПЕСЕНКА О МОСКОВСКИХ ПОДВАЛАХ	32
ХУДОЖНИКИ.....	34
КАВАЛЕРОВ	35
КАРТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА.....	37
БАЛЛАДА О ПРЕОДОЛЕНИИ	41
ЗОНГ О ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ.....	44
В РОМАН-ГИГАНТ	50
ГАРМОНИСТ ИЗ БОЛЬШОГО УЛЮЯ •.....	51
МОЙ ПУТЬ	52
БАЛЛАДА О БЮРО ОБМЕНА.....	53
ЖИЗНЬ ДИОГЕНА	56
КНЯЗЬ МЫШКИН	59
БАЛЛАДА О ГАДКОМ УТЕНКЕ	61
ПАМЯТЬ	63
ИГРА.....	64
НОВЫЙ АДАМ	65
СНЫ	67
РАЗГОВОР С КОРРЕКТОРОМ	68
КРЫМСКАЯ ОСЕНЬ	69
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	72
КАЛИБРОВСКАЯ УЛИЦА.....	73
ЧЕТЫРЕ ГОДА И ЧЕТЫРЕ ДНЯ.....	77
ГОД ПЕРВЫЙ.....	77
ГОД ВТОРОЙ	78
ГОД ТРЕТИЙ.....	79
ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ.....	80
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	81
ДЕНЬ ВТОРОЙ.....	82
ЛЕНИНГРАДКЕ	83
НАТАЛИНКА	83
НЕ ОТНИМАЙТЕ!	84
РЕСТОРАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.....	86
ДЬЯВОЛ	87
КОРОЛЕВА.....	88
АЛЛИЛУЯ.....	90

АКТЕР	92
Я БЫЛ ГРУЗЧИКОМ В ДОМЕ МОДЕЛЕЙ	93
Ты не любишь меня. Очень просто.	94
В летнем парке, среди матрон.....	95
ЗАВЕЩАНИЕ	96
СТИХИ С ЭПИГРАФОМ	98
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД	99
ЖИЗНЬ ПОЭТА.....	100
СМЕРТЬ ПОЭТА.....	101
ПОМОГИ ГОСПОДИ	102
ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК.....	99
ОН УШЕЛ ТАК ВНЕЗАПНО	104